

Толстой Л. Н.

Трудолюбие, или торжество земледельца

Толстой Л. Н. Трудолюбие, или торжество земледельца // Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 тт. Т. 25. М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1937. С. 463–475. 1885 г.

В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратишия в землю, от нее же взят. Быт. III, 19.

Таково заглавие и таковой эпиграф в сочинении Тимофея Михайловича Бондарева. Сочинение это прочитано мною в рукописи.

Труд Тимофея Михайловича Бондарева кажется мне очень замечательным и по силе, ясности, и по красоте языка, и по искренности убеждения, видного в каждой строчке, а главное, по важности, верности и глубине основной мысли.

Основная мысль этого сочинения следующая: во всех житейских делах важно бывает не то, что именно хорошо и нужно знать, а то, что из всех хороших и нужных вещей или дел – что есть самой первой важности, что второй, что третьей и т. д.

Если это важно в житейских делах, то тем более это важно в деле веры, определяющей обязанности человека.

Татиан, учитель первых времен церкви, говорит, что несчастье людей происходит не столько оттого, что люди не знают Бога, сколько оттого, что люди признают ложного Бога, считают Богом не то, что есть Бог. То же можно сказать и про учение об обязанностях людей. Несчастье и зло людей происходит не столько оттого, что люди не знают своих обязанностей, сколько оттого, что они признают ложные обязанности, что они признают своею обязанностью не то, что есть их обязанность, и не признают своей обязанностью того, что и есть главная их обязанность. Бондарев утверждает, что несчастье и зло людей произошли оттого, что они признали своими религиозными обязанностями много пустых и вредных постановлений, а забыли и скрыли от себя и других свою главную, первую, несомненную обязанность, выраженную в первой главе Св. Писания: «в поте лица снеси хлеб твой».

Для людей, верующих в святость и непогрешимость слова Божьего, выраженного в Библии, заповедь эта, данная самим Богом и нигде не отмененная, есть достаточное доказательство ее истинности. Для людей же, не признающих Св. Писания, значение и истинность этого положения, если мы только без предубеждения будем рассматривать его как простое, не сверхестественное выражение человеческой мудрости, доказываемое обсуждением условий жизни людей, как и делает это Бондарев в своем сочинении.

Препятствием к такому обсуждению, к сожалению, служит то, что многие из нас так привыкли к превратным и бессмысленным толкованиям

богословами слов Св. Писания, что одно упоминание о том, что известное положение совпадает со Св. Писанием, уже служит поводом к тому, чтоб с презрением относиться к такому положению.

«Что для меня значит Св. Писание! мы знаем, что на нем можно основать все, что хочешь, и что там всё – вранье». Но это несправедливо: ведь Св. Писание не виновато в том, что люди ложно толковали его, и человек, высказывающий истину, не виноват в том, что он говорит ту самую истину, которая сказана в Св. Писании.

Надо не забывать того, что если допустить, что то, что называется Св. Писанием, не есть произведение Бога, а людей, то что именно это людское писание, а не какое-нибудь другое, принято людьми за писание самого Бога, имеет же какую-нибудь причину.

И причина эта ясна.

Писание это названо суеверными людьми Божьим потому, что оно выше всего того, что знали люди; и потому тоже, что Писание это, несмотря на то, что его постоянно отрицали люди, дошло до нас и продолжает считаться божеским. Писание это названо божеским и дошло до нас только потому, что в нем заключается высшая человеческая мудрость. И таково во многих местах своих Писание, называемое Библией.

И таково в этом Писании то забытое, пропущенное и непонятое в его настоящем смысле изречение, которое Бондарев изъясняет и ставит во главу угла.

Изречение это и весь миф райской жизни, обыкновенно, понимаются в прямом смысле, именно в том, что всё действительно так было, как это описывается, а между тем смысл всего этого места тот, что оно в образной форме представляет те противоречивые стремления, которые находятся в человеческой природе.

Человек боится смерти и подлечит ей; человек, не знающий добра и зла, кажется счастливее, но он неудержимо стремится к этому познанию. Человек любит праздность и удовлетворение похотей без страданий, и вместе с тем только труд и страдания дают жизнь ему и его роду.

Изречение это важно не потому, что оно будто бы сказано Богом самому Адаму, а и потому, что оно истинно; оно утверждает один из несомненных законов человеческой жизни. Закон тяготения не потому истинен, что он сказан Ньютоном, а потому я знаю Ньютона и благодарен ему, что он открыл мне вечный закон, осветивший для меня целый ряд явлений.

То же самое и с законом: «в поте лица снеси хлеб твой». Это закон, который разъясняет для меня целый ряд явлений.

И раз узнав его, я не могу уже его забыть и благодарен тому, кто мне открыл его.

Закон этот кажется очень простым и давно известным, но это так

только кажется и, чтобы убедиться в противном, стóит только оглянуться вокруг себя. Люди не только не признают этого закона, но признают как раз обратное. Люди по своей вере все, от царя до нищего, стремятся не к тому, чтобы исполнить этот закон, а к тому, чтобы избежать исполнения его. Разъяснению вечности, неизменяемости этого закона и неизбежности бедствий, вытекающих из отступления от него, и посвящено вышеназванное сочинение Бондарева.

Бондарев называет этот закон первородным и главою всех других законов.

Бондарев доказывает, что грех (то есть ошибки, ложные поступки) происходят только от отступления от этого закона. Из всех положительных обязанностей человека Бондарев считает главную, первую и неизменную обязанностью каждого человека работать своими руками хлеб, разумея под хлебом всю тяжелую, черную работу, нужную для спасения человека от голодной и холодной смерти, то есть и хлеб, и питье, и одежду, и жилье, и топливо.

Основная мысль Бондарева та, что закон этот (закон о том, что человек, чтобы жить, должен работать), признаваемый до сих пор как необходимость, должен быть признан как благой закон жизни, обязательный для каждого человека.

Закон этот должен быть признан как религиозный закон, как соблюдение субботы, обрезания у евреев, как исполнение таинств, поста у церковных христиан, как пятикратная молитва у магометан. Бондарев говорит в одном месте, что если только люди признают хлебный труд своею религиозною обязанностью, то никакие частные особенные занятия не могут помешать им исполнять это дело, как не могут никакие специальные занятия помешать церковным людям исполнять праздность своих праздников. Праздников насчитывается больше 80-ти, а для исполнения хлебной работы нужно, по расчету Бондарева, только 40 дней.

Как ни странно кажется сначала, чтобы такое простое, всем понятное, ничего не имеющее хитрого и мудрого средство могло бы служить спасением от существующих бесчисленных зол человечества, еще страннее, когда вдумаясь в это, покажется то, как можем мы, имея столь простое и ясное, давно всем известное средство, оставляя его, искать излечения наших зол в разных хитростях и мудростях. А вдумайтесь в дело, и вы увидите, что это так.

Человек бы не вделал дна в кадучке и придумывал бы все хитрые средства, чтоб удержать в ней воду. Это все наши заботы об излечении существующих зол.

В самом деле, отчего происходят бедствия людей, если исключить из числа бедствий те, которые люди прямо наносят друг другу убийствами, казнями, острогами, драками и всякими жестокостями, в которых они грешат тем, что не воздерживаются от насилия? Все бедствия людей, за исключением прямого насилия, происходят от голода, лишений всякого рода, отягчения в работе и рядом с этим от излишества, праздности и вызываемых ими пороков. Какая же может быть наиболее священная

обязанность человека, как не та, чтобы содействовать уничтожению этого неравенства, этих бедствий нужды в одних и бедствий соблазнов в других? И чем может человек содействовать уничтожению этих бедствий, как не участием в труде, покрывающем нужду людей, и удалением от себя излишеств и праздности, производящих пороки и соблазны, то есть не тем, чтобы каждому работать хлебный труд, кормиться своими руками, как говорит Бондарев?

Мы так запутались, наставив себе столько законов и религиозных, и общественных, и семейных, столько правил, как говорит Исаия: правило на правило, правило здесь, правило там, что потеряли совершенно смысл того, что хорошо и что дурно.

Человек служит обедню, другой собирает войско или подати на него, третий судит, четвертый изучает книги, пятый лечит, шестой учит людей и под этими предлогами, освобождая себя от хлебного труда, наваливает его на других и забывает то, что люди мрут от напряжения, труда и голода и что для того, чтобы было петь кому обедню, кого защищать войском, кого судить, кого лечить, учить, надо, чтобы прежде всего этого люди не мерли с голоду. Мы забываем то, что много может быть обязанностей, но что из всех их есть первая и есть последняя и что нельзя исполнять последнюю, не исполнив первую, как нельзя бороновать не пахавши.

Вот к этой первой несомненной обязанности в области практической деятельности и возвращает нас учение Бондарева. Бондарев показывает, что исполнение этой обязанности не мешает ничему, не представляет никаких препятствий и вместе с тем спасает людей от бедствий нужды и соблазна. Исполнение этой обязанности прежде всего уничтожает то страшное разделение на два класса, ненавидящих друг друга и ласкательством прикрывающих свою взаимную ненависть. Хлебный труд, говорит Бондарев, сравнивает всех и подсечет крылья роскоши и похоти.

Нельзя пахать и копать колодцы в дорогих платьях и с чистыми руками и питаясь утонченными кушаньями. Занятие одним, общим всем людям, святым делом сблизит людей. Хлебный труд, говорит Бондарев, даст разум тем, которые потеряли его, удалившись от свойственной человеку жизни, и даст счастье и довольство людям, имеющим несомненно полезное и радостное, назначенное самим Богом или законами природы дело.

Хлебный труд, говорит Бондарев, есть лекарство, спасающее человечество. Признай люди этот первородный закон законом божеским и неизменным, признай каждый своей неотменной обязанностью хлебный труд, то есть то, чтобы самому кормиться своими трудами, и люди все соединятся в вере в одного Бога, в любви к друг другу, и уничтожатся бедствия, удручающие людей.

Мы так привыкли к порядку жизни, признающему обратное, именно то, что богатство, средство не работать хлебный труд, есть или благословение Божие, или высшее общественное положение, что нам так и хочется, не разбирая этого положения, признать его узким, односторонним, пустым, глупым. Но надо серьезно разобрать дело и обсудить это положение, справедливо ли оно. Обсуживаем же мы всякого

рода и религиозные и политические теории. Обсудим и теорию Бондарева, как теорию. Посмотрим, что будет, если, по мысли Бондарева, проповедь религиозная направит свои силы на разъяснение этого закона, и все люди признают священный первородный закон труда.

Все будут работать и есть хлеб своих трудов, и хлеб и предметы первой необходимости не будут предметами купли и продажи.

Что будет тогда?

Будет то, что не будет людей, гибнущих от нужды. Если один человек, вследствие несчастных случайностей, не заработает достаточно для своего и своей семьи корму, другой человек, вследствие благоприятных условий приобретший лишнее, даст неимущему. Даст уже потому, что девать ему хлеба больше некуда, так как он не продается. Будет то, что человек не будет иметь соблазна необходимости хитростью или насилием приобрести хлеб. И, не имея этого соблазна, он не будет употреблять насилия или хитрости. Ему не нужно уже это будет, как это ему нужно теперь. Если он употребит хитрость или насилие, то уже только потому, что он любит хитрость и насилие, а не потому, что они ему необходимы, как теперь.

Для слабых же, тех, которые не в силах почему-нибудь заработать свой хлеб или которые почему-нибудь потеряли его, тоже не будет нужды продавать себя, свой труд и иногда свою душу для приобретения хлеба.

Не будет того теперешнего стремления всех избавить себя от хлебного труда и наложить его на других, стремления задавить слабых работою и освободить сильных от всякой работы.

Не будет того настроения мысли человеческой, по которому все усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующих. Участие всех в хлебном труде и признание его головой всяких дел людских делает то, что сделал бы человек с телегою, которую глупые люди везли бы вверх колесами, когда бы он перевернул ее и поставил бы на колеса. И не сломает телегу, и пойдет она легко.

А наша жизнь с презрением и отрицанием хлебного труда и наши поправки этой ложной жизни – это телега, которую мы везем вверх колесами. И все наши поправки этого дела не попользуют, пока не повернем телегу и не поставим ее, как ей стоять должно.

Такова вполне разделяемая мною мысль Бондарева.

Мысль его представляется мне еще и так: было время, когда люди ели друг друга. Сознание единства всех людей развилось до того, что это стало людям невозможно, и они перестали есть друг друга. Потом было время, что люди силою отнимали труд других и обращали людей в рабство. Сознание людей развилось до того, что это стало невозможно. Насилие, удержавшись в скрытых формах, уничтожилось в своем грубом проявлении: человек уже не завладевает прямо трудом другого. В наше время существует та форма насилия, что люди, пользуясь нуждою других, покоряют их себе. По мысли Бондарева, теперь наступает время

того сознания единства людей, что людям сделается невозможным пользоваться нуждой, то есть голодом и холодом других для покорения их себе, и что для этого люди, признав обязательным закон хлебного труда для каждого, признают своею обязанностью безусловно, без продажи предметов первой необходимости, в случае нужды, кормить, и одевать, и согревать друг друга.

Еще с другой стороны я смотрю на это сочинение Бондарева так: часто приходится слышать суждения о том, что недостаточно одних отрицательных законов или заповедей, то есть правил о том, чего не должно делать. Говорят: нужны положительные законы или заповеди, нужны правила, что именно должно делать. Говорят, что пять заповедей Христа: 1) не считать никого ничтожным или безумным и не гневаться ни на кого; 2) не смотреть на совокупление как на предмет удовольствия, не покидать того супруга или той супруги, с которыми раз сошелся; 3) никому ни в чем не клясться, не связывать своей воли; 4) переносить обиды и насилия и не противиться им насилием и 5) не считать никаких людей врагами, любить врагов так же, как и близких, – говорят, что эти пять заповедей Христа все предписывают только то, чего не должно делать, а нет заповеди или закона, предписывающего, что именно должно делать.

И действительно, может показаться странным, почему нет в учении Христа таких же определенных заповедей о том, что именно должно делать. Но это может казаться странным только тому, кто не верит в самое учение Христа, заключающееся не в пяти заповедях, а в самом учении истины.

Учение истины, выраженное Христом, не находится в законах и заповедях, оно находится в одном – в смысле, придаваемом жизни. Смысл этого учения в одном – в том, что жизнь и благо жизни не в личном счастье, как это думают люди, а в служении Богу и людям. И это положение не есть предписание, которое должно исполнять для получения за исполнение награды, не есть мистическое выражение чего-то таинственного и непонятного, а есть откровение скрытого прежде закона жизни, есть указание того, что жизнь может быть благом только при таком понимании жизни. И потому всё положительное учение истины Христа выражено в одном: люби Бога и ближнего как самого себя. И никаких разъяснений этого положения быть не может. Оно одно, потому что оно всё. Закон и заповеди Христа, как законы и заповеди иудейские и буддийские, суть только указания тех случаев, в которых соблазны мира отвлекают людей от истинного понимания жизни. И потому законов и заповедей может быть много; учение же положительное о жизни, о том, что должно делать, может быть только одно.

Жизнь каждого человека есть движение куда-то; хочет – не хочет, он движется, живет. Христос указывает человеку его путь и притом показывает те поворотки с истинного пути, которые могут свести его на ложный. И таких указаний может быть много; это заповеди.

Христос дает пять таких заповедей и те, которые он дал, таковы, что до сих пор нельзя ни прибавить, ни откинуть ни одной. Но указание пути дано только одно, не может быть больше одной прямой, показывающей направление.

Поэтому мысль о том, что в учении Христа есть только отрицательные заповеди, а нет положительных, справедлива для тех только, которые не знают или не верят в самое учение истины, в самое направление истинного пути жизни, указанного Христом. Люди же, верующие в истинность пути жизни, указанного Христом, не могут искать положительных заповедей в учении Христа. Вся положительная деятельность, самая разнообразная, вытекающая из учения об истинном пути жизни, ясна и всегда несомненно определена для них.

Люди, верующие в путь жизни, подобны, по изречению Христа, источнику воды живой, то есть бьющему из земли источнику. Вся их деятельность подобна течению воды, которая течет всюду, везде, несмотря на препятствия, задерживающие ее. Человек, верующий в учение Христа, так же мало может спрашивать, что ему положительного делать, как не может этого спрашивать источник воды, бьющей из земли. Он течет, напоая землю, траву, деревья, птиц, животных, людей. То же делает и человек, верующий в учение Христа о жизни.

Человек, верующий учению Христа, не будет спрашивать, что ему делать. Любовь, которая станет силой его жизни, верно и несомненно укажет ему, где и что прежде и что после делать.

Не говоря уже о тех указаниях, которыми переполнено учение Христа о том, что первое и самое настоятельное дело любви в том, чтобы накормить алчущего, напоить жаждущего, одеть голого, помочь бедному и заключенному, – и разум, и совесть, и чувство – всё влечет нас к тому, чтобы прежде всех других дел любви к живым людям поддерживать эту жизнь братьев своих, избавлять их от страданий и смерти, которые их постигают в их непосильной борьбе с природой, то есть влечет нас к первому, нужному для жизни людей делу – к самому первому, грубому, тяжелому труду на земле.

Как источник воды не может спрашивать, куда ему посылать свою воду, – вверх ли брызгать на траву и листья деревьев или вниз к корням трав и деревьев, так точно человек, верующий учению истины, не может спрашивать, что ему нужно прежде делать: поучать ли людей, защищать их, забавлять их, давать им приятности жизни или поддерживать их, гибнущих от нужды жизни. И точно так же, как источник течет на поверхности и наполняет пруды, напоаяет животных и людей только после того, как он напоил землю, точно так же и человек, верующий учению истины, может содействовать менее настоятельным потребностям людей только после того, как удовлетворил первой потребности, то есть когда он содействовал прокормлению людей, избавлению их от гибели вследствие борьбы с нуждой. Человек, исповедующий не на словах, а на деле учение истины и любви, не может ошибиться в том, куда он должен прежде всего направить свою деятельность. Никогда человек, полагающий смысл своей жизни в служении другим, не может ошибиться так, чтобы начать служить голодному и холодному человечеству писанием резолюций, отливанием пушек, деланием изящных предметов или игрой на скрипке или на фортепьяно.

Любовь не может быть глупа.

Как любовь к одному человеку не позволит читать романы голодному или навешивать дорогие серьги холодному, так и любовь к людям не может допустить того, чтобы можно было служить им тем, чтобы веселить сытых, оставляя умирать от нужды холодных и голодных.

Любовь истинная – не на словах, а на деле – не только не может быть глупа, но только одна любовь дает истинную проницательность и мудрость.

И потому человек, проникнутый любовью, не ошибется и будет всегда прежде делать то, чего прежде всего требует любовь к людям, – то, что поддерживает жизнь голодных, холодных и удрученных, а поддерживает жизнь голодных, холодных и удрученных борьба, прямая борьба с природой.

Только тот, кто хочет обмануть себя и других, может во время опасности и борьбы людей с нуждой отстраняться от помощи, увеличивать нужду людей и уверять себя и тех, которые гибнут на его глазах, что он занят или придумывает для них средства спасения.

Ни один искренний человек, полагающий свою жизнь в служении другим, не скажет этого. И если он скажет это, то никогда в своей совести он не найдет подтверждения своему обману, он найдет его только в коварном учении о разделении труда. Во всех же выражениях истинной мудрости людской – от конфуцианства и до магометанства – он найдет одно, найдет это с особенную силою в Евангелии, найдет требование служения людям не по теории разделения труда, а самым простым, естественным и единственно нужным способом, найдет требование служения больным, заключенным, голодным и холодным.

А оказать помощь больным, заключенным, голодным и холодным нельзя иначе, как своим непосредственным, сейчасным трудом, потому что больные, голодные и холодные не ждут, а умирают от голода и холода.

Человеку, исповедывающему учение истины, самая его жизнь, состоящая в служении другим, укажет на тот самый первородный закон, который выражен в первой книге Бытия: «в поте лица снеси хлеб твой», который Бондарев называет первородным и выставляет положительным.

Закон этот, действительно, таков для людей, не признающих того смысла жизни, который открыт людям Христом, и таков он был для людей до Христа, и таким он останется для людей, не признающих учения Христа. Он требует того, чтобы каждый, по воле Бога, выраженной и в Библии и в разуме, кормился своим трудом. Закон этот положительный. Таков этот закон до тех пор, пока людям не открыт смысл жизни людей в учении истины.

Но с высшим сознанием смысла жизни, открытого Христом, закон о хлебном труде, оставаясь столь же истинным, становится уже частью единого положительного учения Христа о служении людям и получает значение уже не положительного, но отрицательного закона. Закон этот при христианском сознании указывает только на старый соблазн людей, на то, чего не должен делать человек для того, чтобы не сойти с пути истинной жизни.

Для ветхозаветного, не признающего учение истины человека закон этот имеет такой смысл: работай своими руками хлеб. Для христианина же значение его отрицательное. Закон этот говорит: не полагай возможным служить людям, поглощая чужие труды и не работая сам себе пропитания своими руками.

Закон этот для христианина есть указание на один из древнейших и страшнейших соблазнов, от которого страдают люди. Против этого – то соблазна, страшного по своим последствиям и столь старого, что мы с трудом можем признать этот соблазн не естественным свойством человека, а обманом, и направлено это учение Бондарева – учение, одинаково обязательное и для верующего в Писание ветхозаветного человека, и верующего в Писание христианина, и неверующего в Писание человека, следующего одному здравому смыслу.

Я бы многое мог и многое хочется мне написать, чтобы доказать истинность этого положения и опровергнуть те разнообразные и сложные доводы против него, которые на устах каждого из нас: мы знаем, что мы виноваты и потому всегда готовы с оправданием. Но сколько бы я ни писал, как бы хорошо ни писал, как бы я ни был логически прав, я не убеждаю читателя, если он будет бороться своим рассудком против моего и сердце его будет оставаться холодно.

И потому я прошу тебя, читатель, хоть на время остановить деятельность твоего ума, не спорь, не доказывай, а спроси только свое сердце. Кто бы ты ни был, как бы ни был одарен, как бы ты ни был добр к людям, окружающим тебя, в каких бы ты ни был условиях, можешь ли ты быть спокоен за своим чаем, обедом, за своим государственным, художественным, ученым, врачебным, учительским делом, когда ты слышишь или видишь у своего крыльца голодного, холодного, больного, измученного, человека? Нет. А, ведь он всегда тут, не у крыльца, так за 10 сажень, за 10 верст. Они есть, и ты знаешь это.

И ты не можешь быть спокоен, не можешь иметь радости, не отравленной этим. Чтобы тебе не видать их у крыльца, тебе надо отгородиться от них, отвадить их от себя своей холодностью или уехать куда-нибудь, где их нет. Но они везде есть.

А если бы и нашлось место, где бы ты не видал их, то от сознания истины никуда не уедешь. Как же быть?

Ты сам это знаешь, и учение истины говорит это тебе.

Спустись до низу (до того, что тебе кажется низом, но что есть верх), встань рядом с теми, которые кормят голодных, одевают холодных; не бойся ничего: хуже не будет, а будет лучше во всех отношениях. Стань в ряд, возмись неумелыми, слабыми руками за то первое дело, которое кормит голодных, одевает холодных, – за хлебный труд, за борьбу с природой, и ты почувствуешь в первый раз ту твердую почву под ногами, почувствуешь то, что ты дома, что тебе свободно, прочно, итти больше некуда, и ты испытаешь те цельные неотравленные радости, которых ты не найдешь нигде, ни за какими

дверями, ни за какими гардинами.

Ты узнаешь радости, каких ты не знаешь; ты узнаешь в первый раз тех простых сильных людей, твоих братьев, которые вдалеке от тебя до сих пор кормили тебя, и ты, к удивлению своему, увидишь в них такие доблести, которых ты не знал прежде, ты увидишь в них такую скромность, такую доброту к тебе именно, которых, ты почувствуешь, ты не заслуживаешь.

Вместо презрения, насмешки, которых ты ожидал, ты увидишь такую ласку, такую благодарность, уважение к тебе за то, что ты, после того как всю свою жизнь жил ими и презирал их, что ты вдруг опомнился и неумелыми руками хочешь помочь им.

Ты увидишь, что то, что казалось тебе островком, на котором ты сидел, спасаясь от заливающего тебя моря, что этот-то островок есть болото, в котором ты потопал, а что то море, которого боялся, что это-то и есть суша, по которой ты пойдешь твердо, спокойно, радостно, как и не может быть иначе, потому что из обмана, в который ты не сам вошел, а тебя завели, ты выберешься в истину, от уклонения от воли Бога ты перейдешь к ее исполнению.

Примечания

С содержанием сочинения Т. М. Бондарева [398] «Торжество земледельца или трудолюбие и тунеядство», предисловием к которому является данная статья, Толстой познакомился по статье Глеба Успенского «Трудами рук своих», напечатанной в № 11 «Русской мысли» за 1884 г. Это явствует из письма Толстого к В. Г. Черткову от 13–14 июля 1885 г.: «Вчера же получил – пишет он – письмо с рукописью того сибирского молоканина, [399] про которого, помните, пишет Успенский, – о первородном законе «в поте лица снеси хлеб». Удивительно верно и сильно. Я написал ему письмо, а рукопись перепишу для вас». [400] О том же около 14 июля Толстой сообщает и в письме к кн. Л. Д. Урусову. [401]

Но письмо к Бондареву было написано между 15 и 20 июля 1885 г. Толстой писал ему, в начале своего письма: «Доставили мне на-днях вашу рукопись – сокращенное изложение вашего учения, я прежде читал из нее извлечения, [402] и меня они очень поразили тем, что всё это правда и хорошо высказано, но прочтя рукопись, я еще больше обрадовался. То, что вы говорите, – это святая истина, и то, что высказали, не пропадет даром; оно обличит неправду людей. Я буду стараться разъяснить то же самое». [403]

По поводу этого письма сотрудник Минусинского музея Л. Н. Жебунев 13 января 1886 г. пишет Толстому: «Прочитав внимательно ваше письмо к Бондареву, я заметил, что вы извещаете его о получении «сокращенного изложения» его учения, тогда как я послал вам в мае 1885 г. через редакцию «Русской мысли» полное изложение учения Бондарева» (АТБ). Очевидно, произошло недоразумение, и то, что Толстой считал сокращенным изложением бондаревского учения, было на самом деле его полным изложением.

В марте 1886 г. Толстой пишет Бондареву второе письмо: «Я получил в прошлом году ваше письмо, на которое не успел ответить, а вчера получил письмо от Л[еонида] Н[иколаевича] [404] о вас же; и теперь отвечаю на то и на другое. Вашу проповедь я списал для многих моих друзей, но печатать ее еще не отдавал. С нынешней почтой пошло в Петербург, в журнал «Русское богатство», и приложу всё старание, чтобы она была отпечатана так, как вы хотите, без всякого приложения и отнятия». [405]

27 января 1886 г. другой сотрудник минусинского музея В. Лебедев послал Толстому дополнение к первой работе Бондарева, озаглавленное «Добавление к прежде написанному мною, Бондаревым, «О трудолюбии и тунеядстве», почерпнутого из первоисточника: в поте лица твоего снеси хлеб твой». В сопроводительном письме Лебедев писал: „Посылаю вам полученные от Бондарева для вас «Добавления»“ (АТБ). 26 марта Толстой пишет Бондареву: «Прочел я и большую вашу рукопись и прибавление. И то и другое очень хорошо и вполне верно. Я буду стараться и сохранить рукопись и распространить ее в списках или в печати, сколько возможно... Надеюсь, что вы найдете во мне помощника. Дело наше одно». [406]

Еще 8 февраля Толстой поручает В. Г. Черткову обратиться к редактору «Русского богатства» Л. Е. Оболенскому с просьбой напечатать в журнале статью Бондарева: «Статью Бондарева, Тимофея Михайловича, Сибирского молоканина — она у вас есть — свою я затерял — попросите Оболенского напечатать. Он наверное сделает хорошее объяснение и пропустит ее в цензуре. Бондарев просит, чтоб печатали ее без отнятия и приложения. И писали бы прежде и после что от себя». [407] Таким образом статью Бондарева Толстой тогда еще не предполагал снабдить своим предисловием.

На первых порах у Оболенского была надежда провести эту статью через цензуру, и он Толстому сообщил об этом. В ответ на это сообщение Толстой в середине мая писал Оболенскому: «Очень радуюсь тому, что вы надеетесь провести Бондарева. Это нужно». [408] Вскоре статья была набрана и корректура ее отправлена Толстому. В начале июня Толстой запрашивает П. И. Бирюкова: «Что значит присылка корректуры статьи Бондарева? Пропущена она или нет?» [409] Но цензура статью не пропустила, о чем Оболенский известил Толстого в письме от 15 октября (АТБ).

Вероятно, в связи с получением корректуры бондаревской статьи Толстой задумал написать к ней предисловие. Около 20 мая он пишет Н. Н. Златовратскому: «Я душевно радуюсь тому сочувствию, которое вы выражаете и испытываете к Бондареву. Я еще больше люблю вас за это. Я написал кое-что в виде предисловия. Пожалуйста, прочтите и напишите мне свое мнение. Я очень недоволен написанным». [410]

В ГТМ (АЧ, папка 7) сохранилось четыре рукописи, относящиеся к «Предисловию».

1. Автограф на 1 листе в 4°, исписанном с обеих сторон. Начало первого варианта предисловия к книге Бондарева. Печатается целиком в вариантах (№ 1).

2. Автограф на 2 листах в 4°, исписанных с обеих сторон. Вариант продолжения предисловия, обрывающийся на полуфразе. Печатается целиком в вариантах (№ 2).

3. Автограф на 15 листах в 4°, исписанных, кроме последнего, с обеих сторон. Нумерации нет. Начало: «Предисловіе. Сочиненіе это Тимофея Михайловича Бондарева». Конец: «ты прійдешъ къ исполненію ея». Это полный текст предисловия к сочинению Бондарева, в основном довольно близкий к окончательному печатному. В рукописи ряд поправок, зачеркнутых мест и приписок на полях, органически связанных с контекстом. Из зачеркнутого приводится самое значительное по объему – часть текста, в рукописи занимающую место между абзацами, начинающимися словами: «Мы так привыкли к порядку жизни»..., стр. 468 строка 4, и «Обсуживаем же мы всякого рода»..., стр. 468 строка 11 (см. вариант № 3).

4. Рукопись, исписанная рукой В. Г. Черткова, с поправками и дополнениями рукой Толстого. Состоит из двух занумерованных цифрами 1 и 2 тетрадей в синих обложках, из которых одна исписана полностью, другая наполовину. В первой тетради 32 исписанных страницы, а во второй – 17 исписанных и 15 чистых. Страницы не нумерованы. На обложках тетрадью заглавие рукой переписчика: «Предисловіе к сочиненію Бондарева». Начало и конец – те же, что и в предыдущей рукописи. Текст рукописи – очень исправная копия предыдущей рукописи (автографа). Поправки, сделанные Толстым, довольно многочисленны.

Потерпев неудачу с печатанием статьи Бондарева в «Русском богатстве», Толстой в конце 1887 г. задумал напечатать ее вместе со своим предисловием в «Русской старине». 19 декабря 1887 г. редактор «Русской старины» М. И. Семевский извещает Толстого о том, что он получил рукопись сочинения Бондарева и предисловие к ней Толстого. Но так как рукопись бондаревской статьи написана крайне неразборчиво, Семевский просит разрешения прислать ее обратно для восстановления бледных, совершенно неразборчивых строк (АТБ). Видимо, он решил печатать пока одно лишь предисловие, отложив печатание самой статьи Бондарева. 18 января 1888 г. он сообщает Толстому, что получил назад корректуру предисловия к статье и письмо от 17 января (АТБ). В своем письме Толстой еще раз просил о напечатании статьи Бондарева: «Рукопись Бондарева очень стоит того, чтобы быть напечатанной, и вы сделаете доброе дело, издав ее». [411] Но и на этот раз ни предисловие Толстого, предназначенное для № 2 «Русской старины» за 1888 г., ни статья Бондарева не были пропущены цензурой. В библиотеке Ленинградского университета хранится корректурный оттиск предисловия без следов авторской правки (шифр IV. 777. L. 23441). Текст этого оттиска включает в себе ряд значительно смягченных в цензурном отношении мест по сравнению с окончательно проредактированным текстом Толстого, описанным нами под № 4. Видимо, мы имеем тут дело не с внешней правительственной цензурой, а с цензурой внутренней, проделанной, по всей вероятности, или самим Толстым или близкими ему людьми во избежание запрета статьи.

24 января 1888 г. Толстой писал Страхову: «Кругом виноват перед

вами, дорогой Николай Николаевич. До вас верно уже дошло от Семевского то предисловие, которое я его просил доставить вам, а сам же я еще не написал вам, прося вас продержать эту корректуру. Очень прошу вас не столько об этом, но и о том, чтобы выключить или изменить там всё то, что вы найдете нужным. О том, что вы по этому сделаете, спорить и прекословить не буду». [412] Очевидно, поправив корректуру и отослав ее Семевскому, Толстой хотел, чтобы Страхов продержал вторую корректуру, исключив из статьи всё то, к чему могла придраться цензура. Но до 5 февраля Страхов корректуры не получал: в этот день он писал Толстому: «Простите, бесценный Лев Николаевич, что не тотчас отвечал вам. Я поджидал, что, может быть, еще придет от Семевского та корректура, о которой вы пишете. Но вот прошла неделя – ничего нет. Вероятно, Семевский заупрямился, как это я и предчувствовал». [413] «Семевский заупрямился», вероятно, означало то, что он решил попробовать провести статью без новых ее смягчений со стороны Страхова, но это ему не удалось.

Наконец, статья Бондарева в значительно сокращенном виде, с кратким редакционным предисловием, и статья Толстого о ней в той же редакции, какая предназначалась для «Русской старины», напечатаны были в марте в газете С. Ф. Шарапова «Русское дело», №№ 12 и 13. За помещение обеих статей, как сказано было раньше, С. Ф. Шарапов получил от министерства внутренних дел предупреждение (см. № 14 «Русского дела»: «Распоряжение министерства внутренних дел»).

Когда печатание отрывков статьи Бондарева и предисловия к ней в «Русской старине» было запрещено, Толстой решил печатать их за границей. 2 февраля 1888 г. он пишет В. Г. Черткову: «В «Русской старине» запретили мое предисловие и статью Бондарева. Я хочу ее перевести по-английски и напечатать в Америке». [414] В тот же день и о том же он пишет и П. И. Бирюкову: «Вчера после вашего отъезда я решил отдать перевести статью Бондарева по-английски и предложил сделать это нашей гувернантке. Она это хорошо сделает с помощью Маши. [415] Очень уж меня пробрал Бондарев, я не могу опомниться от полученного опять впечатления». [416] В письме Толстого к Черткову от 9 февраля того же года читаем: «Статью Бондарева и предисловие теперь хочу печатать за границей». [417] Там они появились впервые на французском языке в Париже, в 1890 г.: «Léon Tolstoï et Timothée Bondareff. Le travail. Traduit du russe par V. Tseytline et A. Pagès».

На английском языке, в авторизованном переводе, книжка появилась лишь в 1896 г. [418]

В 1890 г. приспособленный для цензуры текст предисловия под заглавием «Трудолюбие, или торжество земледельца» напечатан был впервые в собрании сочинений Толстого: «Сочинения графа Л. Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов». Москва, 1890. Здесь – перепечатка текста, предназначенного для «Русской старины» и напечатанного в «Русском деле». Во всех последующих изданиях, вышедших в России, текст предисловия перепечатывался без всяких изменений по сравнению с изданием 1890 г.

Впервые нецензурованный текст предисловия, воспроизводящий текст

рукописи, описанной у нас под № 4, был напечатан в издании М. К. Элпидина в Женеве в 1892 г. в брошюре, озаглавленной «Учение М. К. (Sic!) Бондарева. Предисловие и изложение графа Л. Н. Толстого» и содержащей в себе «Предисловие к сочинению Т. М. Бондарева» (стр. 3–26) и притчу «Три сына» (стр. 27–32). Но в этом издании имеется ряд неисправностей, отступлений в расположении отдельных абзацев, в сравнении с рукописью, и опечаток. Далее – в вышедшем в 1904 г. (Christchurch, Англия) X томе «Полного собрания сочинений, запрещенных в России, Л. Н. Толстого» в издании «Свободного слова» под редакцией В. Г. Черткова предисловие было напечатано под заглавием „Предисловие к сочинению Т. М. Бондарева «О хлебном труде»“. В этом издании текст представляет собой произведенную редактором сложную комбинацию двух редакций сочинения Толстого: той, которая печаталась в России, начиная с 1888 г., под заглавием «Трудолюбие, или торжество земледельца», и той, которая имеется в рукописи, описанной нами под № 4, переписанной самим В. Г. Чертковым и исправленной Толстым. В результате получилась новая редакция, для усвоения которой Толстому у нас нет данных.

В тексте издания «Свободного слова», как и издания М. К. Элпидина, предисловие, воспроизводя текст рукописи № 4, начинается так: «Сочинение это предлагается здесь совершенно в том же виде, как оно было написано. Различие с подлинником только в том, что особенная орфография его заменена той, которая обыкновенно употребляется в книжках; и еще – в том, что всё сочинение разделено на две части: самое изложение и дополнения. В дополнении я отделил всё то, что мне казалось или повторением, или отступлением от изложения самого предмета» (стр. 47). Очевидно, что такое начало предисловия рассчитано было на то, что вслед за предисловием последует и самое сочинение Бондарева, но так как это не осуществилось и так как в собрании сочинений, куда Толстой ввел свое предисловие, неуместно было печатать сочинение, Толстому не принадлежащее, то начало предисловия пришлось изменить так, чтобы оправдывалось его печатание без самого сочинения Бондарева. Толстой это и сделал, используя для заглавия статьи несколько переиначенное и сокращенное заглавие книги Бондарева – «Трудолюбие, или торжество земледельца».

Затем Толстой устранил в печатном тексте два обращения к читателю, имеющих в тексте конца рукописи № 4: 1) «Читатель и милый брат, кто бы ты ни был, я люблю тебя и не только не желаю огорчить, обидеть тебя, внести зло в твою жизнь, но желаю одного – служить тебе». (Это обращение, перепечатанное в издании Элпидина, опущено и в издании «Свободного слова».) и 2) «Я боюсь этого, боюсь гордостью своего ума, холодностью своею повредить тебе» (перепечатано в издании Элпидина и «Свободного слова»).

Наконец, был сделан еще ряд преимущественно стилистических исправлений, устранено, как сказано выше, вероятно, самим Толстым или его друзьями всё то, что могло встретить сопротивление со стороны цензуры, и рукопись была отправлена в печать.

В основу печатаемого нами текста мы кладем текст корректуры «Русской старины», удерживая и данное статье самим Толстым заглавие «Трудолюбие, или торжество земледельца». При этом пропущенное или

измененное явно по цензурным соображениям вводим в основной текст по рукописи, описанной под № 4.

Пользуясь этой рукописью, в текст корректуры «Русской старины» вносим следующие исправления.

Стр. 464, строки 13–14, вслед за словами: бессмысленным толкованиям вводим из рукописи слово: богословами

Стр. 464, строки 16–17, вместо: чтоб некоторые с недоверием относились к такому положению. печатаем, как в рукописи: чтоб с презрением относиться к такому положению.

Стр. 464, строка 19, вслед за словами: основать всё, что хочешь, вводим из рукописи слова: и что там всё – вранье.

Стр. 464, строки 24–28, вместо: Надо не забывать того, что если допустишь, что то, что называется Св. Писанием, есть произведение людей, то надо объяснить, почему именно это людское писание, а не какое–нибудь другое, принято людьми за писание самого Бога. На это должна же быть какая–нибудь причина. печатаем, как в рукописи: Надо не забывать того, что если допустить, что то, что называется Св. Писанием, не есть произведение Бога, а людей, то то, что именно это людское писание, а не какое–нибудь другое, принято людьми за писание самого Бога, имеет же какую–нибудь причину.

Стр. 464, строка 30, вместо: Если допустить, что Писание это есть произведение людей, то названо оно людьми Божьим именно потому, печатаем, как в рукописи: Писание это названо суеверными людьми Божьим потому,

Стр. 464, строка 32, вместо: отрицали некоторые люди, печатаем, как в рукописи: отрицали люди,

Стр. 464, строка 35, вместо: высшая мудрость печатаем, как в рукописи: высшая человеческая мудрость.

Стр. 464, строки 35–36, вместо: И таково, действительно, Писание, печатаем, как в рукописи: И таково во многих местах своих Писание.

Стр. 464, строка 40, вместо: первые события райской жизни, печатаем, как в рукописи: весь миф райской жизни,

Стр. 465, строки 11–12, вместо: Изречение это важно не только потому, что оно сказано Богом печатаем, как в рукописи: Изречение это важно не потому, что оно будто–бы сказано Богом

Стр. 465, строка 26, вместо: от высшего лица до низшего, печатаем, как в рукописи: от царя до нищего.

Стр. 472, строка 9, вслед за словами: служить голодному и холодному человечеству вводим из рукописи: писанием резолюций,

Стр. 472, строка 36, вслед за словами: истинной мудрости людской

вводим из рукописи: от конфуцианства и до магометанства

Сноски

398. Общие сведения о Бондареве, его сочинении и об отношениях к Бондареву Толстого см. в примечаниях к статье «Так что же нам делать?», стр. 836–837.

399. Толстой ошибочно причисляет Бондарева к молоканам, тогда как он принадлежал к секте субботников.

400. Т. 85, стр. 241–242.

401. См. том 63, стр. 275.

402. Очевидно, в упомянутой статье Глеба Успенского.

403. Том 63, стр. 276.

404. Л. Н. Жебунева.

405. Том 63, стр. 332.

406. Там же, стр. 337–338.

407. Том 85, стр. 322.

408. Там же, стр. 358.

409. Том 63, стр. 363.

410. Там же, стр. 352.

411. «Знакомые». Альбом М. И. Семевского. Спб. 1888, стр. 396.

412. «Толстой и о Толстом». Новые материалы. Сборн. второй. Редакция В. Г. Черткова и Н. Н. Гусева. М. 1926, стр. 56.

413. «Толстовский Музей», т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. Спб. 1914, стр. 364.

414. ТЕ 1913 г., стр. 60.

415. Дочери Толстого – Марии Львовны

416. ТЕ 1913 г., стр. 120.

417. Там же, стр. 61.

418. См. Ю. Битовт. «Граф Л. Толстой в литературе и искусстве». М. 1903, стр. 273.